

Виктора Лихоносова долгое время причисляли к подражателям Бунина, или Паустовского, или Пришвина. И Юрия Казакова считали его наставником. Все эти фамилии уважаемы, но миновали годы, выходили его книги, и становилось понятно: в России в середине XX века появился новый писатель – Виктор Лихоносов. И без его этих книг представить русскую литературу невозможно: это писатель со своим голосом, своими героями, своей интонацией, манерой повествования, со своим строем фразы, и всё это подчиняющий главному – России, её истории, людям, природе.

Писательский стиль Лихоносова необыкновенен. Он особый, он какой-то лёгкий, мерцающий, летящий, он рисует картины, которые оживают у тебя в сознании, будто ты не книгу читаешь, а прямо в этой книге живёшь. Писатель раньше подолгу жил в посёлке Пересыпь на берегу Азовского моря, любил подолгу ходить по отмели и собирать уроненные чайками перья. И кажется, что проза его пишется именно этими пёрышками: чистейшей белизны, лёгкости, дающими ощущение полёта над пространством.

Рождённый в Сибири, на станции Топки около Кемерово, затем он возматал в Новосибирске. Рос без отца, отец погиб в Великую Отечественную войну, и Виктор всегда помнил об отцовской мечте – вернуться из Сибири в места проживания предков. У Виктора было слабое здоровье, и врачи настоятельно советовали сменить климат. Именно поэтому он, окончив школу, выбрал для дальнейшей учёбы Краснодарский университет. И навсегда связал судьбу с Кубанью. Потом и матушку свою любимую Татьяну Андреевну перевёз к себе. И в своё время похоронил её на Таманском кладбище.

И это была его судьба: и человеческая, и писательская. И счастье для Краснодара.

Но это сейчас легко говорить. А каково было пробиваться сквозь казачье недоверие сибиряку, чалдону: как это так, да кто он такой, чтобы кубанские казаки были героями его книг. Но он имел на это право, право дала ему любовь к истории России и казачества в особенности. И обострённое чувство справедливости: как же можно предать забвению историю этого края, который стал его второй и окончательной родиной.

Писатель, сибирский уроженец, явился защитником кубанского казачества, его певцом. «И пришли, и высадились в Тамани и на Ейской косе с войсковым скарбом и куском ржаного хлеба, протянули живые силы через всю заболоченную степь. Куда пришли?! Теперь чего только не брешут про казаков, но куда они пришли, на какие страдания?! Ничего, кроме неба, камышей и малярии?!... Кто теперь это поймёт, кто им, дряхлым или погубленным смертью, посочувствует?»

Внешне, в писательской биографии Лихоносова всё складывалось замечательно: тридцати лет ему не было, как рассказ «Брянские» сделал его знаменитым. А головокружительный успех повести «Осень в Тамани», повестей «Чалдонки», «Люблю тебя светло», романа «Когда же мы встретимся», что говорить!

Какой радостью напитывало чтение его книг, какой светлой, врачующей грустью обволакивало душу. Вот Тригорское, Михайловское, вот тропа меж ними. Вот учитель, сидящий на холме над Соротью. И ты сидишь рядом и не только видишь то, о чём написано, но и слышишь запахи и звуки Пушкиногорья.

И казалось, многие удачи ждали автора на проторенном им пути воспевания человеческих судеб. Как оказалось, что все эти замечательные работы – только подступы к главному труду сибиряка, к созданию художественного полотна «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж».

И в предыдущих всё громче звучала тема России. Но в «Маленьком Париже» это стало основной нотой. Валентин Распутин сказал о романе: «Бесспорно, главный герой этого романа – Память. Память как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить на земле, не помня, чем жили здесь прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков».

«Много меж черноморцев весёлых Гоголей, ничего не писавших, и не было Нестора», – сетует Лихоносов. Но и он не берёт на себя труд летописца: писатель – человек своего назначения, он взялся за более трудное дело, он воскрешает прошедшую эпоху в событиях, судьбах, красках.

Трагична судьба казачества, об этом мы знаем и начитаны. И о красных, и о белых. Но представить казаков только в страданиях было бы несправедливо. Казаки – это простодушные, чистые сердцем люди, иногда просто дети, непосредственные и живые. И входят в наше сознание, в нашу жизнь новые люди, сохранившие свои жизни для нашего восприятия.

Сила таланта прозаика такова, что мы просто воочию видим, как ездит по Екатеринодару ямщик Терёшка, как приворачивает к заведению неунывающего Баграта, понимаем сострадательную душу Манечки Тостопят, которая «даже комару, который её укусил, ножку перевязывает», и как эта Манечка в своих чудом сохранившихся дневниках воскрешает события, тревоги и радости 1918 года.

Словно воочию видно, как мальчишки идут на защиту Кубани: «В учебных тужурках и пальто, с узелками ушли серьёзные гимназисты. Тысячи обывателей спрятались за их спинами. А день тёплый, солнечный. Мне как-то было не по себе, что детям придётся по необходимости стрелять и убивать. Что их ждало, что станет с их беззащитными родными?»

И как таинственна мадам В... А правдоискатель Лука Костогрыз со своими стихами: «Не знайте в жизни дней ненастья, цветите сердцем и душой, и пусть судьба цветами счастья вам посыпает путь земной». И конечно, хранитель казацких преданий Попсуйшапка с его рассказами о доле казацкой. И хитроватый атаман Бабыч. Да даже и Фосса, только мелькнувшего в повествовании, помним. А тоскливая парижская жизнь четы Бурсаков, вся наполненная мыслями о родине, и их возвращение.

Всё настолько зримо, всё так озвучено, что ты невольно становишься в центр любого описываемого события. Мы сопереживаем и гордимся теми, кто попадает на службу в царский конвойный полк, и вместе с ними ужасаемся кончине царской семьи. И представляем, как ходит и ходит молитвенница Анисья, нигде надолго не оставаясь, будто надеется пере-

мерить своими ногами побольше пространства, чтобы помолиться за него Господу. Вот её слова: «Иду себе помаленьку да иду, а земелька-то позади остаётся, а глянешь вперёд – и впереди ещё много».

Этот роман – образец полифонического звучания самой жизни. Это не летопись, это реконструкция прошедшего времени, возрождение его для нас с вами.

В «Осени в Тамани» доморощенный летописец Юхим читает вслух свои записи, и как только доходит до слов «Теперь Тамань уже не та», заливаясь слезами и дальше не может читать. Что говорить нам в XX веке: теперь не та уже вся Кубань.

Виктор Иванович создал книгу обращения к совести, к душе, затронул струны памяти, живущие в нас, они откликнулись, сделали нас чище и лучше.

«Мне не спится. Я выхожу во двор, прохожу мимо тёмных окон и иду по улице. Ночью, только ночью так пробуждается душа, так чувствуешь пространство и время, и соединяет тебя в странствии со всеми, кто был и есть, с домом и звёздами. Хочется поклониться всему: кладбищам, храмам, дебрям, горам и пустыням Востока, полям Европы и Сибири, лазурным берегам морей, хижинам, дворцам, пирамидам... Бесконечна дорога жизни, и не пересчитать всех книг о ней. Зачем ещё и я со своими листами? Душа моя выше моих слов – я теперь это вижу, перечитывая свою работу и вспоминая то, что неуловимыми знаками трепетало во мне. Теперь мне горько: так мало я выразил из того, что чувствовал. Иду и думаю: кому это нужно? Много ли я унесу с собой навсегда, как уносят все люди, что-то в душе своей созерцавшие и наутро никому ничего не сказавшие».

Это не роман, это песня.

Как с живыми, мы прощаемся и с Петром Толстопятым, и с Дементием Бурсаком, и с Калерией Шкуропатской. И Олимпиаду Швыдкую будем помнить и жалеть. Будем помнить озорство, дерзость, безумные скачки, свидания и разлуки.

И звуки военных труб, и топот конницы, и залпы орудий, шум базаров, вокзальные крики – всё уносится к какому-то пределу. «Ранней степью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...». А для нас всё стучат и стучат колёса этой подводы. И идёт, и идёт богомолка Анисья.

Очень ценны для нас и работы Виктора Лихоносова последних десятилетий. Это «Записки перед сном» и «Одинокие вечера в Пересыпи». Это именно лихоносовские работы: в них всегда говорит душа.

Виктор Иванович признаётся: «Я всю молодость свою прожил под звездой Шолохова». Конечно, свет шолоховской звезды освещает «Маленький Париж», и это так благотворно. А второй титан, влиявший на судьбу Лихоносова, это Твардовский. «Я обязан ему самой жизнью. Не успехам, не слабым огоньком имени, жизнью, жизнью!»

И главное признание: «Да я просто не выжил бы, литература спасла!»

А нам заповедано: много нами русской земельки перемерено, но и остаётся ещё очень много.

И уже закончил было эту маленькую работу, как вспомнил одну встречу с кубанским казаком. Говорил он именно о том, что дух Запорожской Сечи не угас и сама Сечь не погибла, она переместилась на Кубань.

– Как раз об этом и Лихоносов пишет, – сказал я.

– Иваныч? – радостно возгласил казак. – О, то ж наш Иваныч! Щирый казак!

– Дуже щирый, – согласился я. – Только он не казак, он сибиряк.

– Та ты шо? Казак! Он у письменников атаман.

И я понял, что переубеждать его не нужно. Мы просто пошли и выпили с этим казаком за здоровье Иваныча. Казак мне понравился тем, что жила в нём та самая древняя сила духа, что шла из глубины времени и которую так хорошо выразил Виктор Лихоносков.

– Эх вы, москали! – кричал мне казак. – Шо ж вы даже не пискнули, когда нашу Софию в Константинополе оттягали, а?

– Стыдно, конечно. А вы, запорожцы, сядьте да и напишите письмо турецкому султану, а?

– А шо, сядем, Иваныч подмогнёт, сочиним письменю султану! Хай вертает!